
Четыре книги Михайлы Цветихина (посвящения, предисловья, примечания)

О личности Михаила Васильевича Цветихина, автора четырех переводов, опубликованных в кратком временном промежутке между 1782 и 1784 годами, не осталось, по сути, никаких свидетельств, кроме обрамляющих тексты этих переводов посвящений, предисловий и примечаний. Известные до сих пор данные его биографии настолько скудны, что, подтверждаясь другими источниками, могли бы, между тем, быть восстановлены одним лишь обращением к этим перитекстам. (а) Нам не известны точно годы и места его рождения и смерти (указанный В.Л. Модзалевским в статье о Цветихине для РБС (b) в качестве года рождения 1763-й устанав-

---

(а) Текстовые включения, обрамляющие основной содержательный массив книги, можно называть различно - конвоем, паратекстом (связанным с основным), перитекстом (то есть находящимся вокруг основного текста), или как-либо еще. Формальный признак обрамления кажется мне ведущим.

(b) Модзалевский В. Л. Цветихин Михаил Никитич // Рус. биогр. сло-

ливается из показания Цветихина на экзамене в 1783-м году своего возраста как 20 лет и является, таким образом, датой предположительной); до сих пор неверно называлось его отчество (во всех справочниках, вслед за той же статьей Модзалевского, Цветихин фигурирует как Михаил Никитич; такое отчество было ему дано, по видимому, по недоразумению: так звали М.Н. Цветкова, редактора «Северной почты» и переводчика Мабли). О происхождении Цветихина из духовного звания можно судить по тому лишь факту, что наиболее раннее биографическое свидетельство о нем показывает, что он учился в московской Славяно-греко-латинской академии. Об этом сообщается на титульном листе первого печатного труда Цветихина — книги «Кабинет любомудрия ... или Александрийской библиотеки редкости, названья руном» (М., 1782) (а). Второй свой перевод, «Зерцало истинныя любви или как должно любить и как ненавидеть», Цветихин не снабдил указанием на свой социальный статус, однако на титульные листы третьей и четвертой книг они возвращаются: в 1783 г. Цветихин — «Импер<аторской> Академии наук студент», а в 1784-м — «к<анцелярский>

варь. СПб., 1901. Т. Фабер — Цявловский. С. 458.

(а) «В пользу общества перевел с Еллино-греческаго и Латинскаго языков московской Славено-греко-латинской академии студент Михайла Цветихин».

с<лужитель>». Дополнительные сведения к этому периоду жизни писателя приводит М.И. Сухомлинов в биографии П.И. Соколова. Цветихин был одним из воспитанников московской духовной академии, получавших дополнительное образование в Московском университете при поддержке Дружеского ученого общества (а). Весной 1783 некоторые из них были по запросу Е.Р. Дашковой переведены в университет и гимназию при Петербургской Академии наук (б). Из одиннадцати приехавших в Петербург семинаристов Цветихин был старшим (помимо возраста — только А. Шестакову было также 20 лет, остальные были младше — еще и по учебному старшинству: в соответствующих документах Цветихин значится как «философии студент», а остальные семинаристы — как «ученики риторики»). Вскоре по прибытии семинаристов экзаменовали И.И. Лепехин, Л.Ю. Крафт, Н.И. Фус и И.Ф. Гакман, и в целом оценка преподаваемых в духовной академии знаний светскими академиками была дана крайне невысокая: разгромная аттестация Цветихина на общем фоне была во все не из худших:

(а) Московские ведомости. 1782, приб. к № 97. В университете Цветихин слушал лекции по опытной физике и математике (Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Спб., 1885. Вып. 7. С. 389).

(б) Среди них будущие литераторы — П. И. и Д. И. Соколовы и О. П. Беляев.

О физике весьма малое имеет понятие, притом без всякой связи и порядка. Математика его простирается до простаго деления, да и сии первыя арифметическия операции надобно ему протвердить. В немецком языке ничего не знает, и с нуждою читать может. В языке французском равным образом весьма еще слаб, мало разумеет и в чтении нетверд. В переводе с российского на латинский доказал свою слабость непростительными погрешностями; с латинского на российский перевел лучше. По гречески учился, но забыл. (а)

По результатам экзаменов нескольких знающих немецкий и французский языки семинаристов было велено определить в соответствующие нижние языковые классы, однако для большинства учение продлилось недолго: уже в октябре — ноябре того же 1783 года семеро из них подали заявления об увольнении из Академии в связи с желанием вступить в действительную службу. Среди этих семерых был и Цветихин, причем об увольнении он просил уже в звании академического переводчика, а не ученика. (b)

Эти скудные биографические сведения удастся пока что дополнить лишь незначительно. В конце 1785 г. Иркутское наместническое правление просило Герольдмейстерскую контору Сената одобрить перевод титулярного советника Михаила Цветихина, исполнявшего долж-

(а) Сухомлинов М. И. История... Вып. 7. С. 389. Оригинал дела о переведенных в Академию наук семинаристах см.: ПФА РАН, ф. 3, оп. 9, № 443.

(b) ПФА РАН, ф. 3, оп. 9, № 443, л. 6 — 13.

ность секретаря наместнического правления, в Верхнеундинск капитаном-исправником (а). Запрос был одобрен и, как показывают материалы адрес-календарей, в этой должности и в этом чине Цветихин оставался до 1793 г. (б); дальнейшая его судьба неизвестна.

Несмотря на довольно унылую биографию и сомнительные художественные достоинства переводов Цветихина, вполне соответствующие его знаниям языков, зафиксированным академиками, перитекст этих переводов представляет определенный интерес не только как материал для представлений о личных качествах переводчика или эпизод в истории русского посвящения, но и как свидетельство о том типе книжной учености, к которому приобщались в 1780-х гг. выпускники духовных академий и семинарий.

Уже в первой книге, подготовленной Цветихиным, собственно текст был обрамлен обширнейшим перитекстом — начиная с развернуто-

---

(а) РГАДА, ф. 286, оп. 1, № 739, л. 355. Впервые данные этого дела были привлечены А.Б. Шишкиным для биографической статьи о Цветихине в «Словаре русских писателей XVIII века».

(б) Адрес-календарь на 1793 год. СПб., 1792. С. 326. Именно сведения адрес-календаря помогают установить с точностью полное имя писателя: Цветихин Михаил Васильевич; секретарем Иркутского наместнического правления Цветихин значится в адрес-календарях на 1785 и 1786 гг. (с. 367, 325; см.: Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764 - 1796) / сост. В.П. Степанов. СПб., 2003. С. 684).

го заглавия (а) и заканчивая сопровождающими каждую страницу примечаниями. Сразу следует оговориться, что установить источник перевода пока что не видится возможным (b). Книга представляет собой сборник объединенных по тематическим разделам небольших высказываний (сентенций) и коротких историй — преимущественно, из античных и средневековых, но также и новоевропейских авторов (с). Жанрово книга стоит ближе всего к наиболее часто упоминаемым в ее примечаниях источникам — «Адагиям», «Беседам» и «Апофегмам» Эразма Роттердамского: это, в первую очередь, учебное пособие, хрестоматия по латинскому

(а) Кабинет любомудрия, в котром точно изъясняется общее всех древних ягческих любомудрцев понятие о Боге, о добродетели и пороке, и о средствах прямо ведущих человека к благополучию, или Александрийской библиофики редкости, названныя от некоторых руном, орошенным рососою мудрости и нетленным сокровищем учености... М.: Сенатская типография, 1782.

(b) Поиск книг со схожим названием по ключевым словам в основных электронных сводных каталогах Европы (<http://gso.gbv.de>; <http://www.sorac.ac.uk>; <http://www.ccf.fr.bnf.fr>; <http://www.worldcat.org>) результата не дал — так же, как и в отношении двух других переводов.

(с) При этом, в примечаниях не встречается ни одной книги, вышедшей позже конца XVI века; самые поздние из них — *de Mornay Ph. De veritate religionis christianae. Antwerpiae, 1581* (имеется несколько ссылок на эту книгу, из них некоторые — с опечатками: «Фал. Морпей кн. о спра. вере Христа»); *Zenokarus G. De vita Caroli quinti imperatoris. Antwerpiae, 1596* («Гуиллельм Зенока в жизни Карола»); *Goclenius R. Rodolphi Goclenii Ratio solvendi vitiosas argumentationes. Pars critices: Ad institutiones dialecticas pertinens. Marburg, 1597* («Родолаф. Токл. в крит. диалек.»).

языку, переведенная на русский. Обилие в примечаниях указаний на Эразма неудивительно: на протяжении долгого времени в Европе, в том числе и в России его книги служили основными пособиями при изучении латыни. В библиотеке Новгородской семинарии, сформировавшейся на основе библиотек братьев Лихудов и Феофана Прокоповича, Эразм был едва ли не наиболее хорошо представленным автором, причем описанные в каталоге 1779 г. его книги — преимущественно как раз учебные (а). Это обстоятельство, с учетом того, что в духовных училищах России в XVIII веке были распространены рукописные учебники, позволяет предположить, что Цветихиным было переведено одно из многочисленных пособий из рукописного собрания московской духовной академии.

В текст Цветихин вводит не только несколько собственных сентенций, подписанных в примечаниях инициалами «М.Ц.» или «М.Цве.» (одно из таких высказываний находится на семантически важной последней странице книги (b)), но

(а) Григорьева И.Л. Новгородская культура XVI — XVIII вв. и традиции ренессансного гуманизма (к вопросу об идеях и произведениях Эразма Роттердамского в России) // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7. С. 113 — 122.

(б) Особой оригинальностью эти сентенции не отличаются и из общего корпуса, без указания авторства, невычленимы: «Не можно безпрестанно сердящемуся быть в уме» (с. 257), «Раскаяние истинное никогда поздым не бывает» (с. 336), и т.д.

и дополняет его трехчастным вступительным разделом: кратким посвящением: «Его высокопреподобию Московскаго спасо-Андрониева монастыря господину отцу Архимандриту (а) СИМОНУ, особенному наук любителю и усерднейшему меценату»; более развернутым посвящением, объясняющим и обосновывающим поднесение книги именно этому лицу («Чувствительное признание Вашего высокопреподобия на мое в науках упражнение <...> исполняет мое сердце чувствительнейшим к Особе Вашей высокопочитанием и живейшим чувствованием благодарности...»); и, наконец, предисловием переводчика, начинающимся со слов «Благодарный читатель» и содержащим, помимо обоснования полезности книги, формульные высказывания о полезности даже и несовершенного труда:

Не сомневаюсь, что бы ты сей мой труд не почел за истинное усердие, которым я обществу посильную услугу принести покушаюсь. Пусть хоть я здесь и ошибся <...> однако общей человеческой недостаток извинит меня, и никак не отвратит и впредь от такового предприятия» (9 нenum.).

Подобная конструкция перитекста является классической для гуманистической традиции

(а) Архимандрит Андрониева монастыря являлся также ректором Славяно-латинской академии, то есть книгу Цветихин посвящает своему непосредственному начальнику.

— в частности, так оформлены учебные книги Эразма. И немаловажно поэтому отметить, что во всех остальных своих книгах Цветихин сохранил эту структуру. Показательно в отношении латинизированной семинарской образованности и основное содержание переводческого предуведомления — в нем доказываются два положения: первое, что читать следует только полезные книги:

[Сия книга] по сей только одной причине довольно есть изрядна, что нет в ней ничего вреднаго. Однако заглушают совсем своими возражениями любители Романов сию истинну, доказывая, что нет ни одной такой книги, в которой бы не было возможно найти сколько нибудь полезнаго. Но сие мнение совсем опровергает славный в свое время красноречия учитель Квинтилиан», и т.д. (с. 7 нenum.);

и второе, что высказывания древних о природе божественного следует признать нравоучительными, несмотря на присутствующий в них языческий субстрат:

Что же касается до первой книги, которой содержание бытие Божие и его различныя совершенства, то она может быть с первого взгляду покажется дика, по тому что в ней вместо одного Бога упоминаются часто многие боги; но сие вышло из того, что сии мнения из таких писателей выбраны, кои жили и издавали в свет свои сочинения во время идолопоклонничества» (с. 8 — 9 нenum.).

Следующая книга Цветихина, «Зерцало истинныя любви» (М., 1783), в отношении перитек-

ста наименее интересна из всех его переводов. В ней нет примечаний; предисловие переводчика являет собой распространённое на две страницы высказывание на тему простительности дурного перевода по причине полезности переводимого сочинения, а краткое посвящение не содержит указаний на чины и заслуги адресата: «Его высокоблагородию Александру Петровичу Нечаеву, Милостивому Государю нижайшее подношение» (а). Вместе с тем, с точки зрения истории дедикации в России кажется небезинтересным начало развернутого посвящения этой книги, где Цветихин отмечает, что действует в соответствии с традицией:

Общее [есть] всех писателей обыкновение посвящать свои труды истинным и отменным наук любителям, коих <..> покровительство споспешествует им <...> в вышнее приходить совершенство, приращение и распространение» (с. 5 нenum).

Помимо этого, следует обратить внимание и на титульный лист книги, как и в случае с «Кабинетом любомудрия», настолько развернутым, что его перепечатку в объявлении о продаже (b) авторы «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» сочли рецензией:

(а) Такая краткость может быть объяснена тем, что в момент поднесения А. П. Нечаев нигде не служил. О нем известно, что в 1779 г., будучи поручиком Измайловского полка, он проживал в Москве (Имена подписавшихся особ // Платон (Левшин). Поучительные слова... М., 1779. Т. 1).

(b) Московские ведомости. 1784, № 13 (14 февр.). С. 121.

Зерцало истинныя любви, или наставление, как должно любить, и как ненавидеть, в котором показывается высокое Философских мыслей парение, с каковым Авктор предложенную в сей книге материя очень отменно доказывает, соединяя своего разума остроту с пользою и удовольствием читающих.

Единственным переводом Цветихина, оригинал которого удается установить, является книга, вышедшая в 1783 году — по-видимому, в связи с предстоящим отъездом в Академию наук: «Священная сатира на суету мира, или Екклезиаст премудраго пророка Соломона». Книга эта представляет собой прозаический перевод стихотворного парафразиса библейской книги, принадлежащего перу английского новолатинского поэта Вильяма Хога (W. Hog, лат. форма — *Gulielmus Hogaeus*): «*Satyra sacra in vanitatem mundi et rerum humanum, sive paraphrasis in Ecclesiasten poetica*» (London, 1685) (a). Соотнося оригинал с переводом, возможно сделать некоторые выводы относительно принципов организации Цветихиным переводческого перитекста. Прежде всего, он меняет структуру вступительной части. Если у Хога стихотворному переложению библейской книги предшествовало предуведомление к читателю, и затем — краткое стихотворное вступление «о себе самом» («*Autor ad lectorem de se ipso*»), то Цвети-

---

(a) Оригинал перевода установлен А.Б. Шишкиным.

хин отказывается от последнего; предисловию Хога дает подзаголовок «Краткое содержание сея книги» и предпосылает ему испробованное по структуре в двух предыдущих книгах трехчастное посвящение-предисловие переводчика. Книга посвящена княгине Е.Р. Дашковой («действительной штатс-даме, Ордена Святыя Екатерины кавалеру и Императорской Санктпетербургской Академии наук директору»); выбор такого адресата Цветихин обосновывает, говоря, что «милость Вашего Сиятельства осчастливила меня больше заслуг моих, удостоив меня быть единым из тех счастливых смертных, которые пользуются справедливым благоволением толь мудраго из начальников» (5 нenum). В предуведомлении к «читателю благосклонному» Цветихин делает неудачную попытку обосновать полезность перевода на русский язык латинского стихотворного переложения библейской книги. Различая автора переложения («Авктор ясное на сию книгу и обширное написал предисловие» (7 нenum.)) и автора собственно библейского текста («сея книги сочинитель есть муж богодухновенный» (7 нenum.)), все достоинства книги Цветихин приписывает ее библейскому источнику, а недостатки — своему неудачному переводу:

В [своем предуведомлении] не материю сея книги хвалить я предпринимаю: <...> не лзя о цветах судить слепому <...> Нужда же моя в том состоит, чтоб у

читателя в погрешностях, каковыя может быть в сем трудном переводе найдутся, переводчику, старающемуся посильную доставить отечеству услугу, испросить извинение.

Таким образом, смысл обращения к стихотворному латинскому переложению не обосновывается: книга предстает прямым переложением библейского текста, каковым и была воспринята при ревизии книг из московских книжных лавок в 1788 году. По рассмотрении книги цензор определил, что «истолкователь не только отступает от намерения богодухновенного писателя, не выражая прямо мыслей его, но и от себя много непристойного прибавляет»; в результате, в 1793 г. изъятый тираж книги — 324 экземпляра — был сожжен. Такую оценку книги вполне можно понять. Действительно, Хог вносил в библейский текст изменения, значительно дополняя его или комментируя. Прекрасно осведомленные в библейском тексте синодальные цензоры видели, конечно, эти различия с первого взгляда, однако Цветихин сам, по-видимому, в определенной мере помог им принять решение.

Первые страницы своего перевода он снабжает несколькими примечаниями, при том что Хог примечания не использует вовсе. Переводя стихи из первой строфы английского поэта (а):

(а) У Хога, в отличие от Цветихина, начало переложения каждого библейского стиха обозначено соответствующей цифрой.

Сие тебе изящнейшее нравоучение оставил пророк рожденный высокою кровию Иесеевою, учитель премудрый и в вещах искусный, которой будучи украшен диадимом, давал законы Исаидам, и разрушив великолепную Солимею владел ея скипетром (соответствующий библейский текст — «Слова Екклезиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме»),

Цветихин разъясняет их двумя примечаниями: «а) Исаидами называется поколение, происходящее от Исаака. б) Солимея то же, что Салима» (С. 1). А позже, в месте, передающем библейский стих «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит» (Екк. I:5), которое у Хога наполняется античной эпической образностью:

Огнеобразное солнце, то по утру восходит, оставляя водяные струи и своими златоблестящими лучами освящает земнородные очи, то возженной собою пламень чистым своим светом доводит известною стезею даже до самых полунощных стран, то быстропарящую свою колесницу омывает волнами Черного океана, и освящает своими лучами противулежащий нашему мир и всех антиподов, то наконец останавливается на тверди превспренного неба освящая всяческая, (а)

Цветихин объясняет появляющуюся у Хога ко-

(а) Латинский оригинал: «Sol radii illustre caput fulgentibus auro / Cum mane aequoreis emergens exerit undis / Progreditur, puroque accensam lumine flammam / Ducit ad occiduas constanti tramine metas. / Tum rapidum Oceani rubro lavit aequore currum, / Et nostro adversum radii illuminat orbem / Eoque iterum rediens stat margine Coeli».

лесницу так: «Мысли быстропарящего стихотворческого духа». Пройти мимо отмеченных переводчиком подобных «мыслей» синодальным цензорам вряд ли было возможно.

Подобные же толкующие примечания можно найти и в последней книге Цветихина, переводной (с французского, как сообщает титульный лист, языка) повести «Несчастье от жен, или приключения И... Гервага, Пустой Аравии жителя, уроженца Европейского» (СПб., 1784). Оригинал перевода, в отличие от «Священной сатиры», установить не удастся: по-видимому, Цветихин изменил заглавие книги — для такого предположения имеются определенные основания. Чтобы указать их, нужно сначала напомнить, что во всех своих первых трех переводах Цветихин представлял ученым «латинщиком», человеком книжной культуры — об этом говорит и повторяющийся из посвящения в посвящение мотив покровительства «упражняющимся в науках», и серьезный характер избираемых им для перевода трудов, и стремление формальными средствами показать свою принадлежность к типу писателя-книжника — повторяя раз за разом гуманистическое трехчастное вступление с непременно обращением к «читателю благосклонному» (*lector benevolens* у Эразма) и снабжая текст «учеными» примечаниями (что не мешает сноском в «Кабинете любомудрия» быть зача-

стью неудобочитаемыми и в огромном количестве случаев дающими неверные отсылки). На этом фоне четвертый перевод Цветихина выглядит не логичным развитием виденного ранее, а скачком в сторону. Переведенная им повесть — это бесхитростная авантюрная история, где любовники за собственные провинности теряют друг друга, скитаются волею судьбы по различным областям ближнего Востока, общаются с людьми, прошлое которых со стороны закона и морали далеко не предстает безоблачным, изменяют друг другу заочно, и наконец встречаются, чтобы прожить оставшуюся жизнь вместе, не зная наверняка, является ли воспитываемый ими наследник их общим сыном, или прижит героиней с кем-то из прошлых любовников; все рассказанные истории при этом призваны показать, «какое множество народа сделалось несчастным, и все от жен» (С. 87). Трудно поверить, что подобную книгу перевел человек, всего за два года до того в первом своем переводческом предисловии соглашавшийся с Квинтилианом в том, что «не только должно выбирать авторов для чтения, но и части их сочинений, потому что иные очень вольно и неблагопристойно писали» (Каб.любом. С. 7 нenum.).

К переводу Цветихина подтолкнули, по видимому, стесненные материальные обстоятельства. Из Академии наук он уволился в

октябре 1783 г., а новую должность получил, по-видимому, только в конце 1784 г. (а) Средств к пропитанию Цветихину добыть было негде, и он, по-видимому, согласился перевести книгу, которая имела бы спрос на рынке. Предметом своего труда Цветихин был явно недоволен и всячески старался сгладить в глазах читателя очевидно развлекательно-авантюрный характер книги. В предуведомлении он сообщает «благо-склонному читателю»,

чтоб ты не искал здесь каких нибудь чудесных и сверх естественных приключений: как-то действий духов, волшебников и волшебниц; ибо в сей книге сего не

(а) Основной причиной, побудившей семинаристов отказаться от обучения и вступить в службу, была надежда на получение чина; когда оказалось, что отъезд в далекий Тобольск чина вовсе не гарантирует, студенты И. Флёринов, А. Шестаков и С. Лавров отказались ехать в Сибирь: «По словесному запросу <...> Ивана Ивановича Лепехина, обнадёживавшаго нас выпустить к выгодным чинам в Тобольское наместничество секретарями; мы <...> оставив науки дали ему слово быть в оное наместничество льстяся чинами. Но как ныне мы узнали <...> указ повелевающий отправить нас студентов без всяких чинов, того для мы будучи лишены награждения и представляя дальность места, <...> объясняем, что ехать без чинов в оное наместничество мы не можем» (ПФА РАН, ф. 3, оп. 9, № 443, л. 19). В результате, и год спустя, в октябре 1784 тобольское наместническое правление досаждало Академии просьбами прислать студентов на вакантные канцелярские места, на что кто-то из сотрудников Академии писал начальству: «если оному [правлению] впредь к определению в приказные чины люди <...> надобны будут, то я по получении об оном от вашего превосходительства уведомления изыскать желающих к тому старание употребить не премину» (Там же, № 445, л. 7 об.). Впервые в адрес-календаре Цветихин появляется только в конце 1784 года.

находится. А здесь описано только то, что с Гервагом в самой вещи случилось (С. 7),

делая, таким образом, уступку своим прежним принципам и разделяя между собой романы на более и менее полезные; а на титульном листе переводчик и вовсе дает книге относительно высокое жанровое определение: «нравственнокритическое повествование». Между тем, Цветихин прекрасно отдает себе отчет в том, что и в этом жанре источник его перевода – далеко не лучший образец:

Не должно <...> искать здесь ни высоких украшений, ни живых выражений, ниже наконец тонких рассуждений, которые блистают в других сего рода сочинениях. Здесь ты увидишь, что все описано весьма обыкновенным образом. (С. 7)

И, по-видимому, так же, как и в случае со «Священной сатирой», Цветихин снабжает перевод собственными примечаниями. Во всяком случае, представленные на 77 страницах текста 14 примечаний кажутся этой развлекательной книге совершенно чуждыми: преимущественно это толкования слов с латинскими и греческими корнями или реалий античной истории и мифологии:

- Темперамент то же, что природа или врожденная склонность, которую человек имеет (С. 40);
- Трапеза есть слово Греческое, значит по руски стол (С. 49);

- Аргос был пастух богини Юноны, которой пас Инахову дочь, обращенную сею богинею в теллицу, которому для сего пииты сто глаз приписывают. Он же по приказанию Юпитера будучи Меркурием убит, превращен в павлина, у котораго на хвосте изображены оные глаза (С. 50);
- граждане целаго света [т.е. космополиты — *Охт.*] — сим титулом их украшают для того, что они с самага отрочества странствуют по разным частям света и знают многие языки (С. 51);
- Сенека был стоической философ, учитель Нерона Императора Римскаго, котораго Нерон, так как и всех его ближних, уморил, пуска кровь из всех жил (С. 51 - 52);
- Кондиция значит договор, или условие о плате» (С. 63).

Толкует Цветихин и значения имен нескольких персонажей: главной героини («Шейгайта на Российском языке значит красота» [С. 12]), отца главного героя («Беллен или *Latro* значит на российском языке разбойник» [С. 9]) и, наконец, самого главного героя, И... Гервага: «Герваг по Российски значит большой медведь, или то небесное созвездие, которое *всем ученым известно* [курсив мой. — *Охт.*] под именем *Ursus maior*» (С. 9). Все три имени имеют немецкое происхождение: Шейгайта — измененное *schönheit*; Беллен (*bellen*), действительно, значит то же, что и латинское *latro*, только не существительное (*latro, -onis*: «разбойник»), а глагол (*latro, -are*: «лаять»); наконец, в новонемецком *herwagen* и вправду означало

«Большую Медведицу» (а). Случай с Белленом показывает, что при составлении этих примечаний или (что кажется мне более вероятным) самих имен Цветихин пользовался словарем с латинским ключом для нахождения немецких соответствий. Не исключено также, что полное имя главного героя — И... Герваг — может быть связано с Иоганном Гервагом (Johann Herwagen, лат. форма — Johannes Hervagius, ум. 1558), крупным базельским типографом, издавшим множество классических авторов, в том числе, например, первый печатный греческий текст «Начал» Эвклида. Если признать, что Цветихин пытался всеми возможными способами показать, что переводчик книги-однодневки, на самом деле, — прекрасно знающий латынь, греческий и другие языки ученый (а приведенный выше материал дает для этого достаточно оснований), то не кажется неправдоподобным и предположение о том, что главному своему герою Цветихин мог дать имя издателя-гуманиста XVI века: это мог быть своеобразный «знак для своих».

Впоследствии Цветихину книг переводить и издавать так и не привелось (b). В 1784 году, как было сказано выше, он был определен на службу в Иркутск, и после 1793 года все его следы теряются. Ме-

---

(a) *Dasypodius P.* Dictionarium latinogermanicum. [Strasbourg]: Ad Sexennium, 1535. F. 9v.

(b) Маловероятно, чтобы Цветихин являлся автором книги «Маловременные владетели, или блестящая масленица» (СПб., 1785; посвящение «почтенному приятелю» подписано «М. Ц.»): бытовые описания обстоятельств празднования масленицы выдают в авторе давнего петербуржца, а Цветихин прожил в Петербурге не больше двух лет.

сто в Иркутске, кстати, Цветихин добыл, возможно, не без помощи своего последнего перевода. Во всяком случае, «Его высокоблагородие Иван Иванович Крыжев», адресат посвящения, был в 1783 — 1784 годах секретарем Герольдмейстерской конторы; именно за его подписью пришел в Академию запрос отправить студентов в Тобольск (а), и именно от него зависело, сможет ли молодой уволенный от Академии студент, бывший семинарист, получить где-нибудь место с чином. Добиться этого было, по-видимому, непросто, и потому история с посвящением к «Нещастию от жен», не самая, наверное, приятная для его автора, но счастливо закончившаяся, заслуживает хотя бы краткого упоминания в истории русских посвящений.

*Писано на берегу Охты,
в Маниловке, близ Жерновки*

